

Они первыми входят в ад, или Тотальный заговор

**Рыбас
Святослав
Юрьевич** —

председатель совета директоров Русского биографического института, член Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации.

*Продолжение. Начало
см. в № 1/2016, с. 106–117;
в № 2/2016, с. 94–106;
в № 3/2016, с. 138–153; в № 4,
с. 166–177; в № 5, с. 130–145*

Внутренний враг, двоевластие, генералы выходят на первый план

С каждым днем войны общество все сильнее осознавало, что государственный порядок управления нуждается в срочном «ремонте».

Может показаться удивительным, что власть вообще пошла навстречу инициативе деловых кругов. Достаточно было прочитать интервью Гучкова в газете П.П. Рябушинского «Утро России» от 23 августа 1915 г., чтобы догадаться о близких неприятностях: «Сейчас положение России тяжелое, однако поправимое при условии, чтобы инициатива была в руках сильной власти во главе с сильным человеком. А у нас идут по пути спасения с сильным опозданием...

Русская армия на марше через Галицию. 1915 г.

Николай II, императрица Александра Федоровна и ее сестра Елизавета Федоровна

Верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич

Нетрудно выпустить толпу на улицу, но это немыслимо в интересах обороны. Более резкие выступления радикальных партий могут повести к нежелательным эксцессам и революционизированию масс. Но в одном кадеты глубоко неправы: они не выдвинули лозунга обновления власти, в чем ощущается острая нужда. Когда кормчий слаб духом, он может быть терпим для штиля, но в момент бури, когда гибнет корабль, власть должна быть взята из неумелых рук» [67, с. 506].

Еще одна сложная проблема — национальная, в данном случае — наличие в имперской верхушке многих выходцев из Германии и Прибалтики. «Простонародная Русь» воспринимала их как чужаков, а с началом войны — как вражеских агентов. Правительство же пошло на поводу у толпы.

После поражений русской армии в Галиции и тяжелых потерь в обществе происходили тревожные перемены. Как вспоминал начальник охраны царя генерал А.И. Спиридович, «Пе-

тербург кипел». Обвиняли правительство, военного министра, российских немцев (шпионы!), Распутина, императрицу. Был пущен страшный слух о подготовке «партией императрицы и Распутина» сепаратного мира. В конце мая в Москве произошли крупные беспорядки, были разгромлены сотни магазинов и предприятий, в основном принадлежавших немцам. Протест задевал и царскую семью, в адрес сестры императрицы, вдовы великого князя Сергея Александровича Елиза-

веты Федоровны, прозвучали угрозы и обвинения.

Имеющий множество информаторов посол Франции Палеолог с удивлением отмечал в дневнике несуразность происходящего, ведь «именно балтийская знать является основным стержнем структуры режима».

В Ставке и в окружении Николая Николаевича начались разговоры о возможности заговора против императора, о заточении императрицы в монастырь. Накапливавшееся недовольство привело к тому, что в правительственных кругах созрело мнение о необходимости «нового курса на общественность». Инициатором его стал «умный и хитрый» министр земледелия, правая рука Столыпина Александр Васильевич Кривошеин, с которым были солидарны несколько министров и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Показательно, что вражда Николая Николаевича с военным министром генералом Сухомлиновым выражалась еще и в том, что любое упущение или поражение Ставка пыталась объяснить изменой министра, что бросало тень на монарха. На Верховного главнокомандующего оппозиция стала смо-

треть как на возможного преемника императора, а на окружение Александры Федоровны как на врага.

Перечисленные проблемы (а в действительности их было много больше) отражались в зеркале социальных противоречий, которые с бешеным ростом инфляции и дороговизны нагнетали озлобление населения. К тому же еще до начала войны децильный коэффициент (разница в доходах между десяти процентами верхов и низов) превосходил 20-кратную величину и был выше, чем в Англии и США, что порождало острое недовольство большей части населения уровнем жизни и общественным строем.

Обстановка на фронтах была крайне тяжелой. К лету 1915 г. в условиях острого недостатка боеприпасов шло Великое отступление русской армии из Галиции и Польши. В этот период на заседаниях Совета министров шли острые споры. Записанные помощником управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтовым разговоры министров раскрывают суть дела.

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отече-

ство в опасности». Так на заседании Совета министров 16 июля 1915 г. приступил генерал Поливанов к своему очередному докладу о положении на фронте. В голосе его чувствовалось что-то повышенно резкое <...>. Ставка Верховного главнокомандующего не сообщает главе военного ведомства никаких данных о положении на боевой линии. Военному министру приходится судить об этом положении на основании доходящих непосредственно в Петербург донесений нашей контрразведки о передвижениях в неприятельском лагере. Во всяком случае для каждого, мало-мальски знакомого с военным делом человека ясно, что приближаются моменты решающие для всей войны. Пользуясь огромным преобладанием артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляют нас отступать (действуя) одним артиллерийским огнем. Тогда как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений» [68, с. 16–17]

Это была катастрофа. В Ставке Верховного главнокомандующего царя растерянность, обвинения за провал возлагались на правительство. Реаль-

ной информацией император не обладал. Усугубляла положение ширящаяся волна беженцев из прифронтовых областей. Без согласования с Советом министров военные выселяли во внутренние губернии евреев, среди которых брали заложников, российских немцев, латышей и остальное гражданское население. Города внутренних губерний задыхались от перенаселенности, население было в ужасе, губернаторы не знали, что делать. Ставка стала принимать другие решения, противоречившие государственной политике, — формировать национальные подразделения: польские легионы, латышские батальоны, армянские дружины.

Речи министров были предельно откровенны, поэтому премьер-министр И.Л. Горемыкин призвал к спокойствию, указав между прочим на следующее обстоятельство: «В Царском Селе накапливается раздражение и неудовольствие против Великого Князя. Императрица Александра Федоровна, как Вам известно, никогда не была расположена к Николаю Николаевичу и в первые дни войны протестовала против призвания его на пост Главнокомандующего. Сейчас же она считает его единственным виновником переживаемых на фронте несчастий. Огонь разгорается. Опасно подливать в него масло. Бог знает, к каким это может повести последствиям» [68, с. 22].

Министр земледелия А.В. Кривошеин нарисовал картину босхianского ужаса: «По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику, угашают последние остатки подъема первых месяцев войны. Идут они сплошной стеною, топчут хлеба, портят луга, леса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла, либо тамерлановы полчища. Железные дороги забиты, пере-

В идущей модернизации дворяне так и не создали управляющего класса и, не понимая в полной мере беспримерности социальных перемен, предпочитали на ходу пересест в «буржуазный экспресс». Голос Петровской империи затихал. Даже в армии воспринимали его как смутное эхо.

движение даже воинских грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными. Не знаю, что творится в оставляемых неприятелю местностях, но знаю, что не только ближний, но и глубокий тыл нашей армии опустошен, разорен, лишен последних запасов».

Еще одна проблема: новый поворот «еврейского вопроса». Где искать пристанище гонимым? Министр внутренних дел Н.Б. Щербатов добавил жутки: «Обострились всевозможные кризисы — продовольственные, квартирные и проч. Появились заразные болезни. На местах на строение принимало все более тревожный характер; евреи озлоблены на всех и на вся, а жители — на непрощенных гостей, к тому же объявленных предателями и изменниками, и на порядки, при которых существовать у себя дома становится невозможным. Местные губернаторы доносят, что все заполнено свыше пределов вместимости и что если дальнейшее вселение не будет немедленно прекращено, они не отвечают за безопасность новых поселенцев ввиду возбужденного состояния умов и погромной агитации, особенно со стороны возвращающихся с фронта солдат. Не только бытовые, но и экономические, и санитарные соображения требуют разрежения населения» [68, с. 43–44].

А.В. Кривошеин рассказал о *заявлении банкиров*: «К П.Л. Барку

на днях явились Каменка, барон Гинцбург и Варшавский с заявлениями о возрастающих трудностях с размещением государственных бумаг, о неуспехе внутреннего займа, об отрицательном отношении к России среди заграничных финансовых кругов, о всеобщем возмущении по поводу отношения к еврейству и т.д. При этом они не скрывали, что улучшение наших финансовых операций в значительной степени находится в зависимости от изменения нашей политики в еврейском вопросе, что они не возлагают на правительство вину за происходящее на фронте, но что они ждут от правительства подсказываемых гуманитарными требованиями мер, и дальше в таком же духе. Кратко содержание беседы можно резюмировать словами: дайте, и мы дадим» [68, с. 45–46].

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов: «Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями».

Н.Б. Щербатов: «Мы попали в заколдованный круг. Сейчас мы бессильны, ибо деньги в еврейских руках и без них мы не найдем ни копейки, а без денег нельзя вести войну».

И.Л. Горемыкин: «Приходится признать, что уступки неизбежны. Вопрос в их объеме. Я лично согласен с министром внутренних дел, что право сво-

бодного жительства может быть предоставлено евреям только в городах независимо от черты оседлости. Но сельские местности мы обязаны оградить от еврейского нашествия».

Министр финансов П.Л. Барк: «Мне откровенно намекают, что нам не выйти из финансовых затруднений, пока не будет сделано каких-либо демонстративных шагов в еврейском вопросе. Словом, дилемма такова: или дадим льготы евреям и вос-

новниках, будто бы поощряемых в их аферах, ссылаясь при этом на то, что якобы факты общеизвестны, но что, тем не менее, до сих пор никто не был предан суду. Все эти толки, конечно, в значительной степени плод злонамеренной агитации, но для успокоения толпы все-таки было бы не лишним принять какую-нибудь демонстративную меру. В судебном порядке сейчас действовать слишком долго. Нельзя ли какую-нибудь акулу изловить и с треском по-

от обеспечивающего его золота, а от перегруженности страны бумажными знаками и, больше всего, от удачливости военных действий. Охрана золотого запаса при запрете свободного размена — фетишизм. Нельзя ради отвлеченного принципа тормозить покупку шрапнелей и ружей. Если Совет министров откажет в согласии на вывоз золота, то я слагаю с себя ответственность за платежи в сентябре. Предвижу неизбежность катастрофы» [68, с. 59, 75, 78, 89].

Кроме острейшего кризиса военной промышленности, который разрешался усилиями ГАУ, надвинулись новые — транспортный, снабженческий, торговый и продовольственный.

становим свой кредит для получения средств на продолжение войны, или... Третьего выхода я как министр финансов не вижу. Времена Минина и Пожарского, по-видимому, не повторяются. По крайней мере, сейчас трудно усмотреть какие-нибудь признаки».

А.В. Кривошеин: «Я тоже привык отождествлять русскую революцию с евреями, но тем не менее журнал о льготах этим самым евреям подписал, ибо сознаю неизбежность такого акта. Как я уже говорил в Совете министров, нельзя одновременно вести войны и с германцами, и с евреями. Это непосильно даже для такой могучей страны, как Россия».

И.Л. Горемыкин: «Вопрос о допущении евреев в города решен Советом министров и одобрен Его Величеством».

Н.Б. Щербатов: «Среди рабочих, как и вообще среди населения, ходят чудовищные слухи о взыскании при военных заказах. Говорят о спекулянтах, о комиссионерах, инженерах, чи-

слать в тартарары: в Якутской губернии самый упорный заговорит и скажет правду».

П.А. Харитонов: «Значит, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники — или золото давай, или ни гроша не получишь. Дай Бог им здоровья, но так приличные люди не поступают».

П.Л. Барк: «Трудно добиться от них реальных результатов, тем более что сейчас вопрос идет о платежах в Америке, а не у союзников, которые сами вывозят для этого золото».

Министр торговли и промышленности *В.Н. Шаховской:* «Насколько могу судить, мы, говоря просто, находимся под ультиматумом наших союзников».

П.Л. Барк: «Если хотите применить это слово, то я отвечу — да. Если мы откажемся вывезти золото (в залог. — *С.Р.*), то мы ни гроша не получим в Америке, и с нас за каждое ружье американцы будут требовать платы золотом. <...> Стоимость рубля находится в зависимости не

Можно сказать, что Совет министров заседал у подножия действующего вулкана.

Нетрудно догадаться, почему российское общество, получив в распоряжение ресурсы ЦВПК и Земгора, обратилось за поддержкой к единственно доступной структуре государства — Государственной думе. Так сложился Прогрессивный блок, куда вошли сотни думских депутатов и членов Государственного совета различной политической окраски, от кадетов и октябристов до националистов.

Однако создание Блока еще не означало краха политической платформы столыпинской «третьеиюльской монархии». Наоборот, это был ее финальный подъем. При содействии столыпинского соратника Кривошеина «прогрессисты» надеялись создать с правительством союз; Кривошеин даже предложил царю ввести в правительство Гучкова, чтобы нейтрализовать оппозиционность «третьего сословия». Кривошеин играл в правительстве Горемыкина роль серого кардинала (отказался от поста премьера, чтобы не связывать себе руки), но здесь он переоценил свое влияние на монарха: услышав имя Гучкова, император был встревожен и предположил, что далее последует фактический переход власти в руки оппозиции. На совет Гучкова была не столь дав-

няя антираспутинская кампания в Думе и в газетах.

Программа Прогрессивного блока включала два основных пункта: создание правительства общественного доверия во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Думой, и «радикальное изменение приемов управления». В программе не было ничего революционного, участники блока считали, что спасают страну от революции. В качестве главы правительства назывались готовые к сотрудничеству с Думой Кривошеин и генерал Поливанов, членами правительства могли оставаться некоторые прежние министры. Вопрос об ответственности «министерства доверия» перед Думой не ставился, и, следовательно, требование блока оставалось в рамках закона.

Впрочем, «вегетарианству» Прогрессивного блока доверяли далеко не все. Вот пример иной оценки. Лев Тихомиров, расклевывшийся народовец, ставший монархистом, в своем дневнике писал, что оппозиция стремится произвести «фактический государственный переворот, задвинуть Царя, созвать Думу и составить правительство».

В середине августа 1915 г. в газетах появились варианты «министерства доверия», в его составе назывались кадеты П.Н. Милюков (впоследствии министр иностранных дел в первом составе Временного правительства), А.И. Шингарев (министр финансов Временного правительства), А.В. Маклаков (посол Временного правительства во Франции), октябристы А.И. Гучков (военный и морской министр в первом составе Временного правительства) и Н.В. Савич (отказавшийся от должности морского министра в первом составе Временного правительства).

Далее последовали важные кадровые перемены. Военный ми-

нистр В.А. Сухомлинов, которого молва обвинила в шпионаже и которого великий князь Николай Николаевич терпеть не мог, был уволен в отставку, арестован и против него началось следствие. Новым министром был назначен генерал А.А. Поливанов, близкий к Гучкову. Кроме Сухомлинова были уволены несколько консервативно настроенных министров, в том числе министр юстиции И.Г. Щегловитов, обер-прокурор Святейшего синода В.К. Саблер и министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Щегловитов и Саблер считались сторонниками императрицы, а все они, преданные императору, — отпетыми «реакционерами».

Казалось, власть делает все, чтобы установить контакты с обществом: созданы ЦВПК, Земский и Городской союзы, особые совещания с участием оппозиционеров (по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам), и вот — перемены в Совете министров.

Однако «министерства доверия» не получилось по причине отсутствия доверия. Более того, император принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, и отныне постоянным местом его пребывания делалась Ставка. А Николай Николаевич стал главнокомандующим Кавказским фронтом, наместником на Кавказе.

Решение императора не укрепляло, а ослабляло порядок управления, ибо функции повседневного руководства страной теперь ложились на председателя Совета министров 87-летнего Ивана Логгиновича Горемыкина, опытного и много знающего бюрократа, который в силу своего преклонного возраста не обладал должной энергией.

После секретного совещания в квартире министра иностранных дел С.Д. Сазонова восемь ми-

А.В. Кривошеин

И.Л. Горемыкин

П.Л. Барк

нистров направили царю коллективное письмо, убеждая его не становиться Верховным главнокомандующим и в противном случае собираясь уйти в отставку. Среди них были С.Д. Сазонов, министр земледелия А.В. Кривошеин, министр внутренних дел Н.Б. Щербаков, обер-прокурор Святейшего синода А.Д. Самарин, министр торговли и промышленности князь Н.В. Шаховской, министр финансов П.Л. Барк. Это был явный протест, так как они не имели права на отставку.

Кривошеин полагал: надо было «использовать все доступные нам способы, чтобы удержать Его Величество от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России. Народ давно <...> считает государя царем несчастливым, незадачливым».

На предупреждение председателя Государственной думы М.В. Родзянко, что при поражениях царь подвергнет риску трон, монарх ответил: «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию».

Решение царя, посчитавшего, что он обязан в тяжелые времена быть с войсками, углубляло внутриэлитный конфликт. Николай II даже поссорился с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая не одобряла решение сына. Зато Александра Федоровна полностью поддержала мужа. Теперь он оставался один на вершине ответственности, открытый со всех сторон для критики.

Обратим внимание еще на одно назначение, происшедшее в первой половине августа, — Северо-Западный фронт был разделен на два фронта, Северный и Западный, и командовать Северным был назначен генерал-адъютант Н.В. Рузский, который впоследствии окажет решающее влияние на отречение императора от престола. Он был слаб здоровьем, нервным, употреблял морфий, так как страдал от старого ранения на полях Маньчжурии — сильно ушибся при падении на железнодорожную насыпь.

3 сентября 1915 г., отказавшись принять депутацию Прогрессивного блока, Николай II объявил «перерыв в работе Думы». С этого момента оппозиция стала возвращаться в антирежимную.

Отъезд императора в Ставку изменял соотношение сил в структуре управления. В реальную политику вышли новые участники, среди которых на первое место выдвинулась императрица Александра Федоровна и ее окружение.

В правительстве произошли большие изменения, из него были удалены почти все «столыпинцы», нацеленные на сотрудничество с Думой. А.Д. Самарин был заменен членом Государственного совета А.Н. Волжиным. Министром внутренних дел вместо князя Н.Б. Щербакова был назначен член Государственной думы А.Н. Хвостов (племянник министра юстиции А.А. Хвостова, оставшегося на своем посту), А.В. Кривошеина сменил член Государственного совета, самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов, министром путей сообщения вместо С.В. Рухлова стал член Государственного совета А.Ф. Трепов. Государственного контролера П.А. Харитонов сменил Н.Н. Покровский. Это была радикальная смена команды, разрыв политического фундамента. Что дальше, еще никто не представлял. Но мы-то догадываемся: либо диктатура, либо переворот.

Император Николай II и верховный главнокомандующий Николай Николаевич в Перемышле. 1915 г.

Командование Северного фронта

Председатель Постоянного совета объединенных дворянских обществ А.П. Струков в письме премьеру Горемыкину обращал внимание на то, что «произносимые и передаваемые прессы во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребление печатным словом являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России. Только незыблемость основ существующего порядка в соединении с твердой и единой правительственной властью в центре страны и на местах, врученной Государем лучшим преданным Ему и осведомленным людям из обширного русского общества, ограждает страну от шатания мысли и внутренней смуты». Казалось, прозвучал мощный голос Петровской империи!

Но отовсюду посыпались протесты губернских дворянских обществ — Полтавского, Костромского, Петроградского, Московского, Новгородского, Пензенского, Смоленского, Владимирского, Уфимского, Ярославского Тверского, Симбирского, Орловского. Губернское дворянство не соглашалось с позицией своего председателя и фактически поддерживало идею «правительства доверия».

Почему? Потому что в идущей модернизации дворяне так и не создали управляющего класса и, не понимая в полной мере беспримерности социальных перемен, предпочитали на ходу пересест в «буржуазный экспресс». Голос Петровской империи затихал. Даже в армии воспринимали его как смутное эхо.

Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский (идеолог Ставки!) в своих воспоминаниях весьма реалистично описал положение: «Пока великий князь Николай Николаевич был

«Дни царской власти сочтены, она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть — это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность... Отныне революция неизбежна, она ждет только повода, чтобы вспыхнуть...»

в Ставке, поддерживалось некоторое равновесие сторон, ибо решительным натискам царицы и Ко. противопоставлялись столь же решительные натиски великого князя, которого Государь стеснялся, а, может быть, по старой привычке и побаивался, и который в одних случаях умел убедить, в других — запугать Государя. <...> Генерал М.В. Алексеев официально занял место начальника Штаба, а фактически вступил в Верховное командование в тяжелую для армии пору — ее отступления на всем фронте, при огромном истощении ее духовных сил и таком же недостатке и вооружения, и снарядов. Положение армии было почти катастрофическим. Рядом принятых энергичных и разумных мер ему, однако, удалось достичь того, что к концу августа наступление противника было остановлено, а в одном месте наши войска имели даже большой успех, захватив 28 тыс. пленных и много орудий. Этот успех „патриоты“ сейчас же объяснили подъемом духа в войсках по случаю вступления Государя в Верховное командование» [69].

Генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев стал одной из самых влиятельных фигур в стране. Изменилось в целом и политическое влияние армии, что впоследствии станет решающим фактором национальной катастрофы в Феврале. К главным управленческим силам государства, бюрократии, выс-

шему дворянству и буржуазии прибавился генералитет. Не вызвало ли это обстоятельство воспоминание о дворцовых переворотах послепетровских времен или предчувствие военной диктатуры?

Мысль о диктатуре исходила от начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского, который был сыт по горло противоречиями системы. Показательно, что британский военный министр генерал Китченер, самочинно взявший на себя роль распорядителя российских военных заказов, действовал в США через банк Моргана (впоследствии главный бенефициар экономических решений Версальского договора!) и отвергал все попытки представителей ГАУ избавиться от иностранных посредников и иметь дело напрямую с заводами. И начальник штаба Верховного главнокомандующего (Николая Николаевича) генерал Янушкевич стоял на стороне Китченера — «по политическим соображениям». Читаем в книге А.А. Маниковского: «Без особо ощутительных для нашей Армии результатов, в труднейшее для нас время пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать там на наши деньги массу военных предприятий, другими словами произвести на наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности, не имея возможности сделать того же по отношению к своей собственной».

Генерал Алексеев предложил для наведения порядка в управлении учредить институт «военного диктатора»: «Лицу этому, облеченному высоким доверием Вашего Императорского Величества и полнотой чрезвычайной власти, необходимо предоставить: объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий, с тем, чтобы деятельность эта была направлена в полной мере исключительно к служению армии Вашего Величества для полной победы и изгнания неприятеля из пределов России <...>».

Верховный министр государственной обороны должен исключительно и непосредственно подчиняться Вашему Императорскому Величеству <...>» [70, с. 340–342].

Этот доклад означал, что генералы позволили себе вмешаться в управление государством.

Влияние начальника штаба было огромным. Обязанный по должности заниматься делами армии, он кроме этого вникал в дела министерств, принимал у себя в Ставке министров по вопросам, касающимся армии, и был информирован обо всех проблемах в столице.

Впрочем, предложение Алексеева было отвергнуто, в нем было усмотрено покушение на прерогативы самодержца.

Также появлялись различные проекты государственного контроля: то над продовольственным снабжением рабочих военной промышленности через интендантское управление Военного министерства, то огосударствления всей торговли, то привлечения обывателей «к активной деятельности в области обнаружения скрытых товаров

и установления случаев нарушения торговцами существующих правил».

Родилось предложение реорганизовать продовольственное дело с опорой на частные коммерческие банки, для осуществления которого банкиры прилагали немалые усилия, чтобы повлиять на генералитет. Среди них были ведущие банкиры, в том числе и известный нам «кадетский банкир» Каминка. За банками стояли общественные организации, игравшие большую роль в распространении продовольствия в «потребляющих районах» — партии, земства, городские самоуправления, кооперативы. Поэтому правительство относилось к банкам с должной настороженностью как к большой и политически опасной силе, что вылилось в превентивную меру — наделение министра финансов правом проводить ревизии банков.

Однако ситуация требовала новых подходов. Над Особыми совещаниями появился еще один орган — совместные заседания председателей особых совещаний, а над ними — Совещание пяти ведущих министерств (военного, внутренних дел, путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности), затем преобразованное в Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла. При Министерстве внутренних дел был создан Особый комитет по борьбе с дороговизной.

Насколько остры были экономические дискуссии в верхах, можно судить по столкновению между председателями Особых совещаний по обороне и продовольствию. В сентябре 1916 г. военный министр, председатель Особого совещания по обороне отменил решение своего коллеги, министра земледелия

А.А. Бобринского о повышении твердых цен на продовольствие на 40–50%, что привело бы к резкому повышению расходов военного министерства и к всплеску дороговизны на все товары и продукты. Зато крестьяне оказались в явном проигрыше на фоне растущей инфляции.

Военная контрразведка против Царского Села

Кроме острейшего кризиса военной промышленности, который разрешался усилиями ГАУ, надвинулись новые — транспортный, снабженческий, торговый и продовольственный.

В специальном донесении Петроградского охранного отделения подробно проанализирована ситуация на продовольственном рынке столицы: спекулятивная практика банков и оптовых торговцев, неудовлетворительная работа железных дорог, коррупция путейских чиновников вызывали бешеный рост цен на продовольствие, резко опережающий инфляцию. Донесение рисует картину нарастающего хаоса и детализирует экономическую практику мародеров, причем описывает действия немецких и еврейских банкиров, еврейских и русских купцов.

«Лица, близко стоящие к купеческой среде, рассказывают достойные увековечения истории о том, как ловкие спекулянты наживали в несколько дней сотни тысяч и из нищих становились миллионерами. Особенно много среди новых богачей евреев, и путь их обогащения почти всегда один и тот же, на котором немного стоит остановиться. Всем известно, что петроградская торговля имеет кредит от евреев; этот кредит перед войной достигал 2/3 торговых оборотов столицы, причем значительная часть его шла от евреев берлинских; война, порвав связи с Берлином, не порвала связи

с Германией: немецкие евреи переселились в Данию, Швецию, Голландию и пр. и оттуда продолжали оказывать финансовое давление на Петроград.

Происходило следующее: какой-нибудь ловкий комиссионер, получив сведения от администрации (гражданской или военной — все равно, т.к. та и другая легко давала нужные комиссионерам сведения) о том, что администрация опасается, как бы не оказалось в скором времени недостатка в таком-то продукте, немедленно телеграфировал своим коллегам в провинцию, чтобы они скупали этот продукт; деньги же из Петрограда не высылались, а лишь <кредит> на местные конторы; в результате через 3–4 дня оказывалось, что администратор, давший сведения, был прав: данных продуктов не хватало. О недостатке писали газеты, чем немедленно вызвали спрос, сразу же прекращавший всякое предложение; начиналась <гонка цен>, надбавки, перепродажи и пр.; через неделю этот товар, несколько не уменьшившийся в количестве, перепродавался с прибылью в 150–200%, из коих добрая часть приходилась на долю полунемецких, а то и чисто немецких комиссионеров <...>.

Несмотря на кажущуюся внешнюю тишину и наличность обаятельного наружного порядка, настроение самых широких кругов населения, начиная от весьма недостаточных и в обычное время низов и кончая поставленными ныне, благодаря неимоверной дороговизне, в стесненное положение средними слоями столичного общества, носит весьма тревожный и неустойчивый характер, свидетельствует о все увеличивающейся нервности и дает показатели на крайнее озлобление зачастую стихийного и бессознательного тона <...>. Генерал-майор Глобачев. 27 января 1916. № 41» [71].

Информацию жандармского генерала подтверждает запись в дневнике французского посла: «Пятница, 26 ноября 1915 года. Финансовые круги Петрограда продолжают поддерживать, через посредство Швеции, постоянную связь с Германией, и все их воззрения о войне инспирируются Берлином» [72].

Палеолог прямо связывал действия российских банкиров с распространяемыми по Петрограду слухами о спасительности для России сепаратного мира с Германией. Особую тревогу у него вызывали высказывания Распутина: «Россия всту-

пила в эту войну против воли Господа Бога <...>. Христос возмущен всеми этими жалобами, которые возносятся к нему с земли русской. Но генералы безразличны к тому, что убивают мужиков; то не мешает генералам есть, пить и богатеть... Увы! Кровь жертв ложится несмываемым пятном не только на них: она позорит и самого царя, потому что он отец мужиков... Я скажу вам: Божье мщение будет ужасным!» [72].

Положение на финансовом рынке действительно требовало вмешательства властей. С 15 ноября 1914 г. действовал Высочайший указ, согласно которому без разрешения Министерства финансов любые финансовые операции за рубежом России, переводы денежных средств или разного рода ценностей были запрещены. Несмотря на это, банки продолжали свою нелегальную деятельность, «государство Витте» жило по своим законам.

В конце мая 1916 г., опираясь на данные Департамента полиции и военной контрразведки о подозрительных в пользу Германии банковских операциях Дмитрия Львовича Рубинштейна и некоторых других финансистов (среди них сахаро-

Н.С. Батюшин

Г. Распутин

А.И. Путилов

заводчики Абрам Добрый, Израиль Бабушкин, Иосель Гопнер), М.В. Алексеев получил разрешение Николая II на создание специальной оперативно-следственной комиссии Северного фронта под началом контрразведчика Генерального штаба генерал-майора Николая Степановича Батюшина.

В официальном сообщении Петроградского телеграфного агентства от 26 октября 1916 г. говорилось: «Арестованы по распоряжению военных властей на театре военных действий киевские сахарозаводчики Израиль [Борисович] Бабушкин, Иосель Гепнер и Абрам [Юрьевич] Добрый за противодействие снабжению армии сахаром, умышленное сокращение выпуска сахара на внутренний рынок Империи и злонамеренный вывоз сахара за границу в ущерб снабжению таковым армии и населения».

Расследование началось в связи исчезновением с рынка сахара, хлеба и других продовольственных товаров (все-таки голос спецслужб услышали). С началом войны вывоз сахара в воюющие страны прекратился, и тем не менее сахара не хватало даже для армии.

Батюшинская комиссия установила, что до одной трети годового производства сахара-рафинада нелегально переправлялось через Багдад в Турцию.

Рубинштейна подозревали в махинациях с заказами интендантства, «спекулятивных операциях с немецким капиталом» (вспомним запись Палеолога о немецких капиталах из Швеции!), спекуляциях хлебом в Поволжье. Было также установлено, что через свои банки Рубинштейн зарабатывал до 40% прибыли с заказов на оборону путем выдачи гарантий частным заводам и предприятиям, нанося огромный ущерб казне.

Его арестовали по обвинению в государственной измене в Петрограде и перевезли в псковскую тюрьму в зону ответственности военных, где он был недостижим для петроградской полиции.

Следствие Батюшинской комиссии прогремело на весь фронт и столицу, но мало кто знал, что за ее деятельностью стояла интрига военной контрразведки, стремившейся устранить Распутина.

Контрразведчики установили еще одну дыру в системе безопасности, канал утечки секретной информации. Она уходила через страховые компании, которые перестраховывали риски в перестраховочных компаниях Германии и Австро-Венгрии. Туда передавались «подробные сведения о страхуемом предмете с точным указанием срока страховки: касается ли это заводов, работающих на оборону, или расширения их путем постройки дополнительных сооружений и установки новых машин, или постройки новых военных и торговых судов или же их снаряжения, или же это касается военных грузов, следующих на торговых океанских судах, главным образом из С.А.С. Штатов и пр. В последнем случае точно указывался путь следования судов и время, на которое действует страховка. Дубликат такого досье должен был быть отправлен в перестраховочную контору, то есть в Германию или Австро-Венгрию через нейтральные конечные страны» [73]. Неудивительно, что германские подводные лодки могли успешно действовать в океане.

Также штабом Северного фронта было начато предварительное следствие против председателя страхового общества «Россия» А.И. Гучкова «по обвинению его по ст. 108 Уголовного уложения в содействии противни-

С героических и страшных петровских времен армия была подобна светской церкви, где выковывался дух служения Отечеству. Оставить ряды армии было невозможно, погибнуть — легко, победить врага и прославиться — необходимо.

ку через перестраховочные конторы». Однако Петроградский окружной суд, которому передано дело, его закрыл.

Чем закончилась история комиссии? На «сахарном деле» император начертал странную резолюцию: «Освободить, и если они в чем-либо виноваты, то пусть своей дальнейшей деятельностью заслужат себе оправдание». Вмешался Распутин, который имел тесные связи с Рубинштейном. И сама императрица была в этом заинтересована — она при посредстве банкира пересылала небольшую денежную помощь своим родственникам в Гессен, что было нарушением закона, и принимала от жены банкира пожертвования на свой госпиталь для раненых воинов.

Симанович, секретарь Распутина, писал: «Сын известного председателя Петербургской синагоги Зив обратился ко мне с просьбой помочь его тестю, Гепнеру, киевскому сахарозаводчику. Хепнер (так!) был арестован совместно с сахарозаводчиками Бабушкиным и Добрым. Я должен был добиться прекращения дела Рубинштейна, так как оно для еврейского дела могло оказаться столь же вредным, как в свое время дело Бейлиса. Я вполне сознавал опасность положения и считал, что должны быть приняты все меры, чтобы отвратить надвигающуюся на евреев беду».

И министр финансов Петр Людвигович Барк тоже препятство-

вал ведению следствия против крупнейших банков — Русско-го для внешней торговли, Петроградского международного, Соединенного (в Москве), Русско-Французского и других; «они получали лихвенные барыши благодаря неестественному вздутию цен на предметы первой необходимости» [74].

Спецслужбы империи вовремя информировали верхи и даже пытались вести самостоятельную игру. Ничего из этого не вышло. Наоборот, контрпропагандистская кампания в прессе, развязанная банкирами, дискредитировала и эти усилия, и государственную власть.

Французский посол записал разговор с членом Особого совещания по снабжению при Военном министерстве Алексеем Ивановичем Путиловым, директором-распорядителем крупнейшего Русско-Азиатского банка и председателем/членом правления многих заводов, железных дорог, нефтяных компаний, который прямо сказал: «Дни царской власти сочтены, она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть — это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность... Отныне революция неизбежна, она ждет только повода, чтобы вспыхнуть. Поводом послужит военная неудача, народный голод, стачка в Петрограде, мятеж в Москве, дворцовый скандал или драма — все равно; но революция — еще не

худшее зло, угрожающее России. Что такое революция в точном смысле этого слова?... Это замена, путем насилия, одного режима другим. Революция может быть большим благополучием для народа, если, разрушив, она сумеет построить вновь. С этой точки зрения революции во Франции и в Англии кажутся мне скорее благотворными. У нас же революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишенное организации и политического опыта, не имеющее связи с народом. Вот, по моему мнению, величайшее преступление царизма: он не желал допустить, помимо своей бюрократии, никакого другого очага политической жизни. И он выполнил это так удачно, что в тот день, когда исчезнут чиновники, распадется целиком само русское государство. Сигнал к революции дадут, вероятно, буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая этим спасти Россию. Но от буржуазной революции мы сейчас перейдем к революции рабочей, а немного спустя — к революции крестьянской. Тогда начнется ужасающая анархия, бесконечная анархия — анархия на десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие...»

Армия: герои, подвижники, звери

С героических и страшных петровских времен армия была подобна светской церкви, где выковывался дух служения Отечеству. Оставить ряды армии было невозможно, погибнуть — легко, победить врага и прославиться — необходимо. «Установив, с одной стороны, сверхвысокие ставки вознаграждения за доблестный ратный труд и сверхвысокие риски утраты всех прав за его профанацию, с другой стороны, Петр I создал между этими полюсами поле напряженности, в котором бук-

Дворяне-офицеры и крестьяне-солдаты были строителями империи, армия была продолжением поместья и крестьянской общины, продолжением «вечности».

вально кристаллизовались военные таланты» [75, с. 61–62].

Дворяне-офицеры и крестьяне-солдаты были строителями империи, армия была продолжением поместья и крестьянской общины, продолжением «вечности».

Один из самых известных генералов императорской армии в XX в. участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн Антон Иванович Деникин так писал о судьбе своего отца-офицера: «Отец, Иван Ефимович Деникин, родился за 5 лет до Наполеоновского нашествия на Россию (1807 г.) в крепостной крестьянской семье, в Саратовской губернии, если память мне не изменяет, в деревне Ореховке. <...> В молодости отец крестьянствовал. А 27-ми лет от роду был сдан помещиком в рекруты. В условиях тогдашних сообщений и солдатской жизни (солдаты служили тогда 25 лет, и редко кто возвращался домой), меняя полки и стоянки, побывав походом и в Венгрии, и в Крыму, и в Польше, отец оторвался совершенно от родного села и семьи <...>. Солдатскую службу начал отец в царствование императора Николая I. „Николаевское время“ — эпоха беспросветной тяжелой солдатской жизни, суровой дисциплины, жестоких наказаний <...>. На военную службу отец поступил только со знанием грамоты. На службе кой-чему подучился. И после 22-летней лямки, в звании уже фельдфебеля, допущен был к „офицерскому экзамену“, по тогдашнему времени весьма несложному: чтение и письмо, четыре правила арифметики, знание военных уставов и пись-

моводства и Закон Божий. Экзамен отец выдержал и в 1856 году произведен был в прапорщики, с назначением на службу в Калишскую, потом в Александровскую бригаду пограничной стражи <...>. В 1869 году отец вышел в отставку с чином майора» [76, с. 12–13].

О том, что после десятилетий военной службы такие офицеры были буквально железными, можно и не говорить. Во время Крымской войны, уже будучи на пенсии (нищенская, 36 рублей в месяц), семидесятилетний Иван Ефимович попросился в действующую армию, и его было призвали командиром запасного батальона, но тут война закончилась. «Детство мое прошло под знаком большой нужды», — вспоминал его сын.

В конце XIX в. среди всех потомственных дворян помещиками были не более трети, а среди офицеров их было совсем немного, не более 10–15%. По оценке известного историка Сергея Владимировича Волкова, «среди армейской элиты — полковников корпуса Генерального штаба никакой собственности не имели 95 процентов, а жалование младших офицеров соответствовало среднему заработку мастеровых на петербургских заводах (штабс-капитан получал в месяц 43,5 руб., поручик — 41,25, а мастеровые — от 21,7 до 60,9 руб.).

Одна из великих реформ, Военная реформа 1874 г., модернизировала армию; старая, поминившая суворовских ветеранов, ушла в историю. Началось перевооружение. Вместо рекрутского набора была введена всеоб-

щая воинская повинность, надо было служить не 25 лет, а всего шесть (имеющие образование служили меньше; призывники с высшим образованием — всего полгода), отменены телесные наказания, создана сеть военных и юнкерских училищ, куда принимали всех независимо от сословной принадлежности. Армия стала массовой и регулярной.

Надо заметить, что к Февралю состав образованного слоя и офицерский состав резко изменились. К 1897 г. среди учащихся гимназий и реальных училищ доля потомственных дворян снизилась до 25,6%, среди студентов — до 22,8%, а к 1914–1916 гг. составляла 8–10%. Среди офицеров, произведенных во время войны в 1914–1917 гг., до 70% происходило из крестьян и лишь примерно 4–5% — из дворян.

В целом за три года войны армия претерпела беспримерные трансформации, которые сказались на прочности государства. После революции 1905 г. полковник А.И. Деникин, вернувшийся с Японской войны и видевший революционный хаос, заключил: «Армия устояла благодаря корпусу офицеров, который после 1905 г., относясь с большим вниманием, анализом, не раз осуждением, к некоторым явлениям военной и общегосударственной жизни, сохранил характер государственно-охранительной силы. В этом его историческая заслуга, в этом же предопределение его позднейшей трагической судьбы» [76, с. 186].

В начале мировой войны и в ее конце фактически было две разные армии. Спустя три года мы увидим иную армию. Картина, фантастичная и одновременно убедительная, вошла в романы Алексея Толстого («Хождение по мукам») и Бориса Пастернака («Доктор Живаго»). Генерал Петр Николаевич Краснов опи-

сал ее с документальной точностью. Трагедия произошла 24 августа 1917 г., то есть уже после Февраля. Краснову сообщили, что полки пехотной дивизии отказываются исполнять боевые приказы, что ими руководят несколько весьма «зловредных агитаторов». Дальнейшие события развивались стремительно.

«На переданное требование выдать этих агитаторов солдаты 444-го пехотного полка ответили отказом. Надо их заставить выдать. Командир корпуса считает, что достаточно будет назначить один полк с пулеметной командой <...>. В 10 час. утра мы прибыли в селение Духче, где нас ожидал начальник пехотной дивизии ген. лейт. Гиршфельдт. Он направил казаков к пехотному биваку, приказавши окружить его со всех сторон, оставив одну сотню в его распоряжении <...>. Я остался в штабе с Гиршфельдтом ожидать комиссара Линде. Если я не ошибаюсь, Линде был тот самый вольноопределяющийся л. гв. Финляндского полка, который 20 апреля вывел полк из казарм и повел его к Мариинскому дворцу требовать отставки Милокова (министр иностранных дел Временного правитель-

ства, выступавший за продолжение войны и захват Черноморских проливов. — *Примеч. авт.*).

Около 11 час. утра на автомобиле из Луцка приехал комиссар фронта Ф.Ф. Линде. Это был совсем молодой человек. Манерой говорить с ясно слышным немецким акцентом, своим отлично сшитым френчем, галифе и сапогами с обмотками он мне напомнил самоуверенных юных немецких барончиков из прибалтийских провинций, студентов Юрьевского университета. Всею своею молодою, легкою фигуροю, задорным тоном, каким он говорил с Гиршфельдтом, он показывал свое превосходство над нами, строевыми начальниками.

— Ну, еще бы, — говорил он, манерно морщась, на доклад Гиршфельдта, что все его увещания не привели ни к чему, и виновные все еще не выданы. — Они вас никогда не послушают. С ними надо уметь говорить. На толпу надо действовать психозом <...>.

Когда мы подъезжали, казаки уже окончили окружение бивака 444-го полка. Они выставили заставу с пулеметами по направлению к позиции. Они сидели на

лошадях с обнаженными пашками и, казалось, готовы были ринуться на пехоту.

Командир пехотного полка встретил нас у края бивака и сообщил, что солдаты очень напуганы появлением казаков и собираются поротно, ружей не разбирают. Зачинщики ему названы <...>.

Линде вышел вперед. Лицо его было бледно, но сильно возбуждено. Он оглянул роту гневными глазами, и сильным, полным возмущения голосом начал говорить. Я почти дословно помню его речь.

— Когда ваша родина изнемогает в нечеловеческих усилиях, чтобы победить врага, — отрывисто, отчетливо говорил Линде, и его голос отдавало лесное эхо, — вы позволили себе лентяйничать и не исполнять справедливые требования своих начальников. Вы не солдаты, а сволочь, которую нужно уничтожить. Вы зазнавшиеся хамы и свиньи, недостойные свободы. Я, комиссар Юго-Западного фронта, я, который вывел солдат свергнуть царское правительство, чтобы дать вам свободу, равной которой не имеет ни один народ в мире, тре-

бую, чтобы вы сейчас же мне выдали тех, кто подговаривал вас не исполнять приказ начальника. Иначе вы ответите все. И я не пощажу вас!

Тон речи Линде, манера его говорить и начальственная осанка сильно не понравились казакам <...>. Когда Линде замолчал, рота стояла бледная, солдаты тяжело дышали. Видимо, они не того ожидали от „своего“ комиссара.

— Ну, что же! — грозно сказал Линде и пошел вдоль фронта.

Командир полка стал вызывать людей по фамилиям. Он уже знал зачинщиков. Выходившие были смертельно бледны тою зеленоватою бледностью, которая показывает, что человек уже не в себе. Это были люди большей частью молодые, типичные горожане, может быть, рабочие, вернее, люди без определенных занятий. Их набралось двадцать два человека.

Один из вызванных начал что-то говорить. Линде бросился к нему.

— Молчать! Сволочь! Негодяй! После поговоришь...

— Возьмите их, — сказал он сопровождавшему его казачьему офицеру.

— Не выдадим!.. Товарищи! что же это!.. — раздалось из роты, и несколько рук, сжатых в кулаки, поднялось над фронтом.

Я обернулся. Конная сотня, стоявшая шагах в двадцати, грозно надвинулась, и люди стихли.

— Ведите этих подлецов, и при малейшей попытке к бегству — пристрелить, — сказал Гиршфельдт казачьему офицеру.

— Понимаю, — хмуро ответил тот, скомандовал арестантам и повел их, окруженных казаками, из леса.

Дело было сделано, настроение солдат было очень возбужденное, квадраты батальонных колонн, выстроившихся на лесной прогалине, были грозны, и я подумал, что хорошо будет, если Линде теперь же и уедет, пока солдаты не поняли своей силы и нашего бессилия. Я сказал это ему.

— Нет, генерал. Вы ничего не понимаете, — сказал Линде. — Первое впечатление сделано. Надо воспользоваться психологическим моментом. Я хочу поговорить с солдатами и разъяснить им их ошибки.

Линде и начальник дивизии генерал Гиршфельдт сияли счастьем от первой удачи; какая-то непре-

одолимая судьба несла их в самую пасть опасности. Они уже никого не слушались, и Линде полагал, вероятно, что он овладел массой. Мне же было жутко на него смотреть. По лицам солдат второй роты я понял, что дело далеко не кончено, что судом комиссара они недовольны. Я приказал офицерам и урядникам разойтись между солдатами и наблюдать за ними. Нас было едва пятьсот человек, рассыпанных по всему лесу. Солдат в 444-м полку было свыше четырех тысяч, да много сходилось и из соседних полков. Весь лес был серым от солдатских рубах.

Линде подошел к первому батальону. Он отрекомендовался — кто он, и стал говорить довольно длинную речь <...>. Говорил он патетически, страстно, сильно, местами красиво, образно, но акцент портил все. Каждый солдат понимал, что говорит не русский, а немец.

Кончив, Линде, несмотря на протест командира полка, хотевшего держать людей все время в строю и под наблюдением, приказал разойтись людям 1-го батальона и пошел говорить со вторым. Люди первого батальона разошлись по кучкам и стали совещаться. Некоторые следовали за Линде, и нас уже сопровождала порядочная толпа солдат <...>.

Я снова пошел к Линде и стал его убеждать. Но убедить его было невозможно. Глаза его горели восторгом воодушевления, он верил в силу своего слова, в силу убеждения. Я сказал ему все.

— Вас считают за немецкого шпиона, — сказал я.

— Какие глупости, — сказал он. — Поверьте мне, что это все — прекрасные люди. С ними только никто никогда не говорил.

Было около трех часов пополудни и сильно жарко. Линде уже не говорил речей, но и он, и генерал Гиршфельдт стояли в плотной толпе солдат и отвечали на задаваемые им вопросы. Вопросы эти были все наглее и грубее. Из темной солдатской массы выступали уже определенные лица, которые неотступно следовали за Линде» [77].

Комиссар Линде и генерал Гиршфельдт были убиты со средневековой зверской жестокостью, словно они были порождением дьявола.

В мемуарах члена ЦК кадетской партии А. Тырковой-Вильямс царившие в партии идеи описа-

В начале мировой войны и в ее конце фактически было две разные армии.

ны не без профессорского шика (перефразируя древнеримского поэта): «Если боги не услышат нас, мы обратимся к Ахерону», то есть к «реке Ада», царству дьявола.

ПЭС 16004 / 15.01.2016

Продолжение следует

Источники

- [1] – [14] см. в № 1/2016, с. 117.
[15] – [23] см. в № 2/2016, с. 106.
[24] – [40] см. в № 3/2016, с. 153.
[41] – [51] см. в № 4/2016, с. 177.
[52] – [66] см. в № 5/2016, с. 145.
67. Гучков А. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780–1936. СПб., 2005.
68. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 сентября 1915 года. Составлено А.Н. Яхонтовым, б. Помощником Управляющего Делами Совета Министров // Архив Русской Революции. Т. XVIII.
69. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии [Электронный ресурс] // Военная литерату-

ра. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html.

70. Цит. по: Дневники и документы из личного архива Николая II. М., 2003.

71. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.

72. Палеолог М. 1915 год [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/25187>.

73. Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-History, 2002.

74. Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М.: Советский писатель, 1991.

75. Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005.

76. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991.

77. Краснов П.Н. На внутреннем фронте. Л.: Прибой, 1927. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/103242/3/Krasnov_-Na_vnutrennem_fronte.html.

